

Записки Карла Хоецкаго.

(1768 — 1776 г.).

(Окончание)¹⁾.

ГЛАВА VIII.

О поимкѣ Пугачева. Заботы о возвращеніи на родину.

Силы Пугачева очевидно стали ослабѣвать, такъ что онъ не былъ уже въ состояніи сопротивляться отрядамъ войска, между тѣмъ какъ количество послѣдняго все болѣе возрастало, вѣдѣтвіе того, что постоянно новые отряды возвращались изъ Турціи; они располагались въ различныхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне были склонны къ бунту, и такимъ образомъ прекращали возможность дальнѣйшихъ безпорядковъ. Въ каждомъ почти селѣ устроены были висѣлицы, которыя наводили страхъ на крестьянъ и заставили ихъ присмирѣть. Пугачевцы въ большомъ числѣ попали въ плѣнъ и были препровождены въ Сибирь впредь до рѣшенія ихъ участи; тобольскій генераль-губернаторъ приказалъ повѣсить многихъ изъ ихъ числа.

У Пугачева оставалось не болѣе 6,000 человекъ; его преслѣдовали генераль Суворовъ и маіоръ Михельсонъ; когда они достигли береговъ Хопра, его собственные подчиненные, увидѣвъ себя въ безвыходномъ положеніи, схватили его, привели въ лагерь генерала Суворова и добровольно выдали.

Весь русскій народъ былъ крайне утомленъ продолжительною войною внутреннею и внѣшнею и вздохнулъ свободнѣе, когда обѣ

¹⁾ См. январ., март. и ноябрск. кн. «Кіевск. Старинны» за 1883 г., стр. 145—160 и 600—646.

прекратились почти одновременно. Войска, утомленные турецкою кампанією, нуждались въ отдыхѣ, обыватели-же выжидали съ нетерпѣніемъ, чтобы миновало время постоянной тревоги и опасности, которой они подвергались отъ обѣихъ воевавшихъ сторонъ. Потому поимка Пугачева возбудила всеобщую радость, — она служила ручательствомъ возобновленія спокойствія.

Пугачева помѣстили въ огромную деревянную клѣтку и въ ней препроводили въ Москву; до Симбирска онъ ѣхалъ подъ конвоемъ кавалеріи, съ этого-же города его сопровождалъ конвой изъ 300 пѣшихъ гренадеръ. Вмѣстѣ съ нимъ препровождалось 6 человекъ атамановъ, которые выдали его властямъ; они ѣхали свободно, безъ оковъ, и имъ не только обѣщано было прощенье, но и значительная награда; въ каждомъ селѣ, черезъ которое приходилось проѣзжать, сгоняли все народонаселеніе смотрѣть на плѣнника. Вторая жена Пугачева, на которой онъ женился во время бунта, была объявлена свободою и сохранила даже часть добычи, данной ей мужемъ. Въ Москвѣ окованнаго заключили въ крѣпкую тюрьму, и сопровождавшіе его атаманы также были окованы и брошены въ темницу; затѣмъ судъ, назначенный особенно по этому случаю, рѣшилъ ихъ судьбу. Въ Москвѣ устроена была нарочитая эстрада для ихъ казни; на ней, какъ самъ Пугачевъ, такъ и его атаманы преданы были мучительной смерти. Ко времени казни приведены были въ Москву: отецъ, братья и первая жена Пугачева, и ихъ выставляли на видъ народу.

Съ нашей армією соединилась въ то время 2-ая армія, въ составъ которой входилъ гусарскій бахмутскій полкъ; онъ долженъ былъ по положенію состоять изъ 3,000 человекъ, но былъ далеко не въ полномъ составѣ, ибо многіе солдаты пали во время войны; вслѣдствіе этого приказано было выбрать изъ нашихъ командъ Сибирскаго корпуса 1,000 человекъ поляковъ и зачислить ихъ въ бахмутскій полкъ, распредѣливъ по различнымъ эскадронамъ; такимъ образомъ мы перешли въ новый родъ оружія. Для зимнихъ квартиръ намъ назначена была Башкирская область, жители которой принимали дѣятельное участіе въ бунтѣ; потому намъ разрѣшено было требовать отъ башкиръ всѣхъ удобствъ, безъ всякаго къ нимъ списхожденія; на тѣхъ-же условіяхъ и другіе полки размѣнены были въ различныхъ слободахъ. принимав-

шихъ участіе въ мятежѣ. Проживъ зиму у башкиръ, мы перешли на квартиры въ другую область, гдѣ живетъ народъ, называемый Мордовою, и здѣсь оставались до половины лѣта.

Уже прошло полтора года съ того времени, какъ наши маршалы и тѣ конфедераты, которые не были зачислены въ военную службу, были отпущены на родину послѣ замиренія Россіи съ Турціею; между тѣмъ о нашемъ увольненіи и о разрѣшеніи намъ возвратиться въ отечество не было и помину, что возбуждало въ насъ безпрерывно скорбь и побуждало насъ къ ропоту. Мы узнали, что въ Казани проживалъ еще въ то время ротмистръ Заблоцкій, ожидавшій отъ Пулавскаго присылки денегъ для уплаты долговъ послѣдняго; воспользовавшись тѣмъ, что въ Казань отправлялся поручикъ нашего полка и при немъ одинъ изъ поляковъ, я переслалъ г. Заблоцкому слѣдующее письмо: „Милостивый государь! Я приношу вамъ просьбу отъ имени всѣхъ поляковъ, которыхъ значительное число находится въ русскихъ войскахъ, о томъ, чтобы вы, возвратясь въ отечество, ходатайствовали о нашемъ освобожденіи. Обязанность эта должна лежать на совѣсти маршаловъ, но очевидно они о ней забыли, и намъ грозитъ влѣдствіе этого пожизненный плѣнъ. Мы надѣемся, что король нашъ приметъ участіе въ нашемъ освобожденіи, если вы, милостивый государь, искренно захотите похлопотать о насъ. Въ этомъ состоитъ просьба моя и моихъ товарищей, которую и приношу вамъ вмѣстѣ съ должнымъ почтеніемъ. Карлъ Хоецкій“.

Въ это именно время въ Россіи находились: генералъ земель подольскихъ, князь Адамъ Чарторыйскій и великій коронный гетманъ Браницкій, къ которымъ господинъ ротмистръ Заблоцкій писалъ, по его словамъ, еще раньше относительно нашего дѣла. Я получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: „Милостивый государь! Горестное положеніе, въ которомъ вы находитесь, возбуждаетъ въ сердцѣ моемъ искреннюю грусть и сожалѣніе; я всѣми средствами старался помочь вашему горю, подавая о васъ заявленія высшимъ властямъ; я не прекращаю своихъ усилій, пока не добьюсь осуществленія той цѣли, которая должна удовлетворить равнымъ образомъ меня, какъ и васъ. Несомнѣнно, что паны маршалы должны ходатайствовать о васъ какъ въ Россіи, такъ и въ Польшѣ, и они дадутъ отвѣтъ передъ Господомъ, если уклонятся отъ исполненія этой обязанности. Не теряйте надежды и бодритесь, а Го-

сподь непошлетъ вамъ утѣшеніе, спомоществовать которому буду всячески стараться“.

Получивъ это письмо отъ пана Заблоцкаго, я утѣшалъ его содержаніемъ унылыхъ и огорченныхъ земляковъ своихъ.

Между тѣмъ въ Россіи распространилась молва о томъ, что три значительныя области перешли отъ Польши во владѣніе государствъ: русскаго, австрійскаго и прусскаго; мы не могли освоиться съ этимъ неожиданнымъ бѣдствіемъ, постигшимъ наше отечество; вспоминая бывшія прежде несчастныя войны при Іоаннѣ Казимирѣ и другія, мы приходили въ изумленіе, почему тогда не случилось столь значительнаго ущерба для нашего государства. Но разузденіе о причинахъ столь несчастнаго исхода я предоставляю другимъ писателямъ, имѣющимъ болѣе свѣдѣній объ этомъ предметѣ, и не сомнѣваюсь, что они опишутъ это достойное вѣчной печали бѣдствіе для памяти потомству.

ГЛАВА ІХ.

О несчастіи, постигшемъ поляковъ, находившихся въ тобольской области, и о походѣ противъ Ногайцевъ.

Излишняя жестокость судьбы, когда превышаетъ мѣру возможнаго терпѣнія, нерѣдко заставляеть людей совершать поступки крайне дерзкіе и отчаянныя. Въ подобномъ положеніи оказались поляки, находившіеся въ гарнизонахъ тобольской области; они вслѣдствіе отчаянія навлекли на себя гибель и страданія.

Хотя многіе земляки мои, бывшіе въ этихъ гарнизонахъ, погибли во время стычекъ съ Пугачевымъ, однако оставалось ихъ еще болѣе 600 человекъ, и всѣ они возвратились обратно въ Тобольскъ послѣ прекращенія смуты. Зная, что миръ съ Турціею былъ заключенъ, что конфедерація въ Польшѣ прекратилась и что другіе плѣнные уже давно отпущены на родину, они возмущались тѣмъ, что на нихъ мѣра эта не была распространена. Согласившись между собою, они троекратно подавали записки генераль-губернатору, прося отпустить ихъ на родину, но прошенія эти оставлены были безъ послѣдствій. Увидѣвъ это, они выступили изъ квартиръ своихъ съ оружіемъ и со всеми солдатскими

принадлежностями и явились на дворъ у губернаторскаго дворца; здѣсь они сложили ружья въ кучи, сбросили форменные мундиры и стали требовать, чтобы ихъ отправили на родину. Генераль-губернаторъ былъ смущенъ этимъ поступкомъ; онъ сталъ ласково уговаривать ихъ, чтобы они взяли оружіе и мундиры и отправились въ свои казармы, утверждая, что въ виду ихъ настойчиваго желанія, на другой день утромъ имъ выданы будутъ паспорта и средства для путевыхъ издержекъ, за полученіемъ которыхъ они должны явиться. Между тѣмъ онъ приказалъ всѣмъ войскамъ, квартировавшимъ въ Тобольскѣ, собраться до разсвѣта въ свой домъ, гдѣ и помѣстилъ ихъ; сверхъ того приказано было и городскимъ жителямъ, чтобы всѣ, имѣющіе какое-бы-то ни было оружіе, являлись утромъ къ губернаторскому дому. Приказанія эти были исполнены, и нѣсколько тысячъ солдатъ и вооруженныхъ гражданъ размѣщены были въ губернаторской усадьбѣ въ ожиданіи прихода поляковъ. Когда послѣдніе собрались безоружные, они были окружены, затѣмъ вывезены были пушки и направлены на нихъ. Тогда появился верхомъ генераль-губернаторъ; онъ долго молча ѣздилъ передъ рядами съ гнѣвнымъ и строгимъ видомъ, обдумывая дальнѣйшія распоряженія; затѣмъ, приблизившись къ полякамъ, спросилъ: кто былъ зачинщикомъ въ вчерашнемъ ихъ поступкѣ? Спрошенные долго молчали, объятые страхомъ; но когда онъ гнѣвно повторилъ вопросъ, нѣсколько человекъ отвѣтили, что всѣ единомышленно дали согласіе на этотъ поступокъ. Тотчасъ приказано было отдѣлить семь человекъ отвѣтившихъ; ихъ раздѣли, привязали къ приготовленнымъ заблаговременно колодамъ и подвергли наказанію плутомъ по 600 ударовъ; затѣмъ имъ вырвали ноздри, выжгли на челахъ знаки на подобіе висѣлицъ и, оковавъ въ цѣпи, отправили въ вѣчную каторгу: остальныхъ также заковали и отправили въ Сургутскую провинцію въ тюремное заключеніе на продолжительный срокъ; но потомъ, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ихъ опять возвратили въ военную службу, распредѣливъ въ различные полки, въ каждый по нѣсколько десятковъ человекъ.

Въ томъ-же году поляки, поступившіе добровольно въ военную службу въ Казани вмѣстѣ съ паномъ Пулавскимъ, получили паспорта для свободнаго возврата на родину.

Мы между тѣмъ, числившіеся въ бахмутскомъ гусарскомъ полку,

стояли на квартирахъ въ области, населенной мордвою, а затѣмъ, въ началѣ осени, получили приказъ отправиться на квартиры въ городѣ Бахмутѣ, лежащій на границахъ Новой Сербіи, гдѣ полкъ нашъ долженъ былъ стоять безотлучно. Распоряженіе это обрадовало насъ, ибо, вслѣдствіе этого неревдженія, мы должны были приблизиться къ границамъ Польши, отъ которыхъ мы находились тогда за нѣсколько сотъ миль; мы надѣялись, что изъ той мѣстности намъ легче будетъ найти возможность бѣжать на родину, въ случаѣ, если насъ не пожелаютъ отпустить добровольно. Мы выступили въ сентябрѣ и нигдѣ не останавливаясь на пути, пришли въ саратовскую провинцію, принадлежащую къ астраханской губерніи. Здѣсь мы встрѣтили на пути нѣмецкія колоніи, числомъ 13, расположенныя на берегахъ Волги. Въ каждомъ селѣ находилась католическая церковь, и потому тѣ изъ насъ, которые знали языки нѣмецкій или латинскій, имѣли возможность исповѣдываться, такъ какъ уже болѣе шести лѣтъ намъ не представлялся случай исполнить эту духовную обязанность. Въ селахъ этихъ живутъ духовные, принадлежащіе къ различнымъ монашествующимъ орденамъ, которые каждые шесть лѣтъ смѣняются новыми лицами, по назначенію папы. Въ каждомъ селѣ есть одинъ такой приходской священникъ, получающій изъ государственной казны 100 рублей жалованія, сверхъ доходовъ, которые онъ имѣетъ отъ прихожанъ. Миновавъ эти колоніи, мы продолжали идти въ Бахмутъ, котораго достигли только въ теченіи великаго поста, цѣлую почти зиму употребивъ на переходъ.

Едва мы расположились на квартирахъ, какъ многіе поляки, пользуясь относительно близостью къ границамъ своего отечества, стали дезертировать, не ожидая даже наступленія весны. Впрочемъ на квартирахъ мы оставались только около двухъ мѣсяцевъ; но истеченіи этого времени полкъ нашъ получилъ приказъ выступать въ походъ противъ ногайскихъ татаръ на берега Азовскаго моря. Мы пошли по направленію къ юго-востоку, переправились черезъ рѣки Донъ и Донецъ и прибыли въ городъ Азовъ, гдѣ нашли уже въ сборѣ нѣсколько полковъ пѣшихъ и карабинерскихъ, а также нѣсколько полковъ гусарскихъ и донскихъ козаковъ. Весь отрядъ, достигавшій числомъ до 13,000 человекъ, находился подъ начальствомъ бригадира Бринка. Городъ Азовъ лежитъ въ пустынѣ; онъ окруженъ степью, среди которой на разстояніи

10-20 миль нѣтъ ни одного села. Степь эту населяли татары, которые кочевали въ кибиткахъ, т. е. въ повозкахъ, покрытыхъ палатками изъ войлока; татары эти, возмущившись противъ своего начальника Калги-Гирей-султана, признававшего надъ собою власть Россіи, оставили свои кочевья и ушли изъ нихъ; мы должны были отправиться за ними въ погоню. Въ Азовѣ мы питались запасами муки и сухарей, но сильно страдали отъ недостатка воды; случалось намъ два дня оставаться безъ питья; ибо вода Азовскаго моря и рѣки Танаиса, омывающей городъ Азовъ, вовсе не годится для употребленія; она имѣетъ столь противный вкусъ, что даже человѣкъ, томимый самою сильною жаждою, не въ состояніи пить ее. Хотя въ окрестности Азова находится нѣсколько источниковъ хорошей воды, но мы не могли ими пользоваться, ибо къ нимъ приставленъ былъ караулъ, и вода назначалась исключительно для болѣе знатныхъ офицеровъ; источники-же эти столь скудны, что небольшіе у нихъ водоемы весьма медленно наполнялись водою.

Оставивъ въ Азовѣ все багажи и захвативъ только съ собою запасъ сухарей, выданный на три дня, мы отправились въ погоню за татарами. Три татарина служили намъ проводниками и вели насъ въ теченіи пяти дней по степи, совершенно ровной и пустынной, безъ всякаго признака дороги; провіантъ нашъ совершенно истощился; наконецъ пятаго дня мы настигли татаръ; войско ихъ, числомъ въ 25,000, стояло въ строю на готовъ, ожидая насъ, и лишь только мы стали наступать, они бросились на донскихъ козаковъ и смяли ихъ; но когда наша артиллерія и пѣхота открыли огонь, то татары, замѣчая въ рядахъ своихъ большое опустошеніе, обратились въ бѣгство и уходили, сбившись въ густую толпу. Два наши гусарскіе полка: бахмутскій и сербскій отправлены были въ погоню за бѣгущими; мы преслѣдовали ихъ до рѣки Кубани и истребили большое количество. Когда татары стали переправляться черезъ Кубань, на выручку имъ появились кубанскіе жители, называемые черкесами; вслѣдствіе этого полки наши отступили и возвратились къ своему корпусу. Въ добычу нашему войску достался весь лагерь татарскій: дѣти ихъ, женщины и множество скота. Гусары наши во время погони также приобрѣли значительную добычу, но не воспользовались ею, ибо послѣ возврата начальство произвело весьма строгую ревизію и отняло всю захваченную добычу. Одинъ

гусаръ сербскаго полка захватилъ у татарскаго бейа 1,000 имперіаловъ, изъ-за которыхъ лишился жизни; ибо, желая скрыть свою добычу, онъ передалъ ее маркитанту, который высыпалъ золото въ бочку, наполненную водкою. Гусара подвергли допросу и, когда онъ отказался указать мѣсто, куда припряталъ деньги, его въ теченіи трехъ дней били батогами; только третьяго дня онъ сознался и указалъ мѣсто, гдѣ хранились деньги, но онъ до того измученъ былъ наказаніемъ, что четыре дня спустя умеръ.

Мы возвратились въ Азовъ, вѣдя множество илѣнныхъ и угнавъ значительное количество скота, которымъ мы питались на обратномъ пути. Тотчасъ послѣ возврата полкъ нашъ получилъ разрѣшеніе возвратиться въ Бахмутъ вслѣдствіе того, что лошади наши были сильно утомлены и искалѣчены, и необходимо было перемѣнить большую часть ихъ.

Городъ Азовъ расположенъ на берегу моря или, правильнѣе, лимана; это небольшая крѣпость, окруженная валомъ и каменною стѣною; самый городъ незначителенъ и въ немъ нѣтъ выдающихся построекъ; такъ какъ онъ лежитъ среди дикой стени, то жителей въ немъ очень мало, и въ немъ живутъ почти исключительно военные. Не далеко отъ Азова есть еще другой городокъ¹⁾; подходя къ нему, мы замѣтили только земляные окопы, но, вступивъ внутрь укрѣпленій, мы нашли цѣлый городъ, всѣ жилища котораго были вырыты въ землѣ, такъ какъ во всей окружающей мѣстности нѣтъ никакого строеваго матеріала; здѣсь живутъ исключительно татары, въ числѣ которыхъ много купцовъ, имѣющихъ богатые склады турецкихъ товаровъ, и особенно много предметовъ бакалейной торговли.

Мы шли въ Бахмутъ медленно и, миновавъ этотъ городъ, расположились въ Серебрянкѣ, гдѣ назначена была квартира для нашего штаба; едва мы расположили въ полѣ палатки, рассчитывая отдохнуть въ теченіи мѣсяца, какъ въ тотъ-же вечеръ полученъ былъ приказъ, предписывавшій намъ немедленно отправиться въ новый походъ; намъ

¹⁾ Этотъ, не названный авторомъ, городъ — очевидно Ростовъ на Дону, основанный въ 1761 году и носившій въ то время названіе «Крѣпости св. Дмитрія Ростовскаго».

приказано было идти по направленію къ Крыму для соединенія съ армією князя Прозоровскаго, который долженъ былъ тогда-же подойти съ другой стороны съ корпусомъ въ 13,000 человекъ; кажется, имѣлась вновь въ виду кампанія противъ татаръ. Такимъ образомъ, переночевавъ лишь въ Серебрянкѣ ¹⁾ одну ночь и перемѣнивъ нѣкотoryя только, болѣе негодныя, лошади, мы отправились въ новый походъ.

Въ то время многіе поляки уже дезертировали; одни бѣжали пѣшкомъ, другіе съ лошадьми и оружіемъ, пробиваясь храбро по дорогѣ сквозь встрѣчавшіяся имъ препятствія. Нѣкоторые изъ нихъ были пойманы и подверглись жестокому наказанію, проходя сквозь строй; но примѣры эти нисколько не удерживали другихъ отъ предполагаемаго бѣгства. Въ это время я состоялъ въ тѣсной дружбѣ съ однимъ волохомъ, служившимъ въ одномъ со мною эскадронѣ; онъ разсказалъ мнѣ обстоятельно всѣ подробности пути къ польскимъ границамъ, утверждая, что мнѣ удобнѣе и ближе всего будетъ бѣжать, когда мы достигнемъ рѣчки, называемой Калміусъ. Затѣмъ онъ мнѣ назвалъ рѣки, черезъ которыя я долженъ буду переходить: Самару, Волчью и наконецъ Дябрь, черезъ который необходимо нужно будетъ переправиться; прибавилъ также, что послѣ переправы я попаду въ пустыя запорожскія степи, пройдя которыя, достигну польскихъ границъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ избѣгать по возможности путешествія днемъ и направлять путь днемъ прямо на западъ, ночью-же по направленію созвѣздія, называемаго „Квочка“. Я съ глубокимъ вниманіемъ выслушивалъ его совѣты и указанія и рѣшился дезертировать тотчасъ послѣ того, какъ мы достигнемъ береговъ Калміуса.

ГЛАВА X.

Бѣство изъ бахмутскаго полка въ Польшу.

Поляки стали дезертировать безпрерывно; въ ночь передъ выступленіемъ въ походъ бѣжало болѣе десяти человекъ, и на пути въ каж-

¹⁾ Серебрянка — село на сѣверной границѣ бахмутскаго уѣзда, екатеринославской губерніи, на берегу Сѣвернаго Донца, отдѣляющаго эту губернію отъ харьковской.

дое утро не досчитывались нѣсколькихъ человѣкъ; я готовился также къ бѣгству, но, руководясь инструкціями, полученными отъ вышеупомянутого волоха, я порѣшилъ не пускаться въ путь прежде, чѣмъ не достигнемъ Калміуса. Когда мы стали приближаться къ этой рѣкѣ, я успѣшилъ окончить сборы къ путешествію: они состояли въ томъ, что я заготовилъ себѣ провіантъ на дорогу; я могъ это сдѣлать удобно, ибо мнѣ была поручена дневная раздача сухарей нашему эскадрону; пользуясь этимъ обстоятельствомъ, я успѣлъ отложить въ сторону 40 фунтовъ сухарей, истолоченныхъ въ порошокъ, и уложилъ этотъ запасъ въ припасенный съ этою цѣлью мѣшокъ.

Вслѣдствіе счастливой для меня случайности мы пришли на берега Калміуса въ сумерки; разсѣлавъ лошадей, мы отправили ихъ подъ присмотромъ особой стражи на подножный кормъ. Между тѣмъ стали разбивать палатки; лагерная гауптвахта была уже устроена, по часовыхъ кругомъ лагеря не успѣли еще разставить; я схватилъ поспѣшно шинель и мѣшокъ съ сухарями и, пользуясь совершенною темнотою ночи, ускользнулъ изъ лагеря. Миновавъ оный, я сталъ быстрыми шагами удаляться въ степь, направляясь на западъ по звѣздамъ и не отдыхая въ теченіи цѣлой почти ночи; если встрѣчалась мнѣ дорога по принятому мною направленію, то я слѣдовалъ по ней, если-же дорога поворачивала въ сторону, то я оставлялъ ее, предпочитая руководиться указаніями моихъ небесныхъ путеводителей: „Ключки и Воза“ ¹⁾). Въ исходѣ ночи я достигъ береговъ рѣки, покрытыхъ обширными зарослями камыша; я догадывался, что это должна быть рѣка Самара ²⁾), о которой мнѣ рассказывалъ мой пріятель волохъ. Изнуренный ходьбою, я выбралъ сухое мѣсто среди камыша для отдыха и затѣмъ отправился къ водѣ, захвативъ съ собою мѣшокъ съ сухарями. Усѣвшись на берегу, я смѣшивалъ въ ложкѣ истертые въ порошокъ сухари съ водою и подкрѣпившись этою пищею, возвратился на усмотрѣнное мѣсто, гдѣ

1) Созвѣздія: Плеяды и Большая Медвѣдница.

2) Догадка Хоецкаго очевидно ошибочна. Отправившись отъ Калміуса и пройдя одну ночь по направленію къ западу, онъ не могъ встрѣтить Самары, верховья которой лежатъ въ 70 верстахъ къ сѣверо-западу отъ верховьевъ Калміуса; онъ правдоподобно наткнулся на верхнее теченіе р. Волчьей или на одинъ изъ ея верхнихъ, лѣвыхъ притоковъ: Осиную, Лозовую, Водяную или Дурную.

и улегся спать, рассчитывая на совершенную безопасность. Но едва сомкнулъ я глаза, какъ меня разбудилъ страшный шумъ и крикъ, раздававшійся надъ водою. Приподнявъ голову, я сталъ прислушиваться и изъ долетавшихъ до меня словъ понялъ, что люди, говорившіе вблизи, были солдаты сумскаго гусарскаго полка, который шелъ къ войску князя Прозоровскаго; полкъ этотъ остановился для ночлега на берегу той-же рѣки, у которой я улегся спать, и на разсвѣтъ солдаты пригнали лошадей къ водою. Со страхомъ ожидалъ я окончанія этого занятія и лишь только они удалились, я схватился, перебрелъ черезъ рѣку и удалился отъ того мѣста. Я шелъ долго, пока доставало силъ и пока не стало совершенно свѣтло; когда-же ноги совершенно отказали мнѣ въ дальнѣйшей службѣ, находясь среди обширнаго поля, густо покрытаго терновникомъ, я припалъ на колѣни и пробравшись ползкомъ, какъ можно было дальше въ терновникъ, улегся спать и просналъ, не просыпаясь, цѣлый день. Съ наступленіемъ ночи, я отправился въ дальнѣйшій путь. Ночь эту и слѣдующій день я шелъ по совершенно пустынной степи и вида, что она въ полномъ смыслѣ слова безлюдна, я смѣло, безъ всякаго опасенія, подвигался впередъ. Степь въ той странѣ представляетъ столь однообразную равнину, что на милю кругомъ можно замѣтить всякаго путника ѣдущаго или даже идущаго пѣшкомъ; притомъ я зналъ, что ни селеній, ни даже отдѣльныхъ хуторовъ тамъ вовсе не существуетъ и потому, оставивъ въ сторонѣ всякія предосторожности, я смѣло шелъ впередъ, какъ ночью, такъ и днемъ. Пятаго дня, оглянувшись назадъ, я замѣтилъ вдали какое-то войско, двигавшееся сзади по одному направленію со мною; я узналъ по одеждѣ сумскій гусарскій полкъ, тотъ самый, который чуть было не захватилъ меня надъ рѣкою. Я спрятался въ сторонѣ въ высокую траву, покрывавшую степь, и выждалъ, пока полкъ не прошелъ мимо меня. Но зная, что полкъ этотъ отправляется къ войску князя Прозоровскаго, расположенному на берегу Днѣпра, и находясь въ необходимости переправиться черезъ эту рѣку, я рѣшился воспользоваться этою случайною встрѣчею. Когда полкъ прошелъ мимо меня, я отпустилъ его на полъ мили впередъ и послѣдовалъ за нимъ; такимъ образомъ полкъ этотъ служилъ мнѣ путеводителемъ. Питался я все время сухарями, притомъ, по временамъ, я встрѣчалъ кусты терновника, спѣлыя плоды котораго,

нѣсколько уже прибитые морозомъ, доставляли мнѣ весьма вкусную пищу. Иногда среди стени я встрѣчалъ скирды сѣна, въ которыя зарывался на ночь ради теплоты; но даже въ такомъ случаѣ, вслѣдствіе значительнаго холода и недостаточно теплой одежды, я не могъ спать долѣе одного часа и потому въ теченіе каждой ночи я нѣсколько разъ ложился спать и столько-же разъ подымался и продолжалъ путь, согрѣваясь быстрымъ движеніемъ. Вообще погода не благопріятствовала моему путешествію: осень была уже поздняя и морозы и дожди, смѣняя попеременно другъ друга, причиняли мнѣ большія страданія.

Я приближался уже къ рѣкѣ Волчьей ¹⁾ и издали увидѣлъ, что предшествовавшій мнѣ полкъ остановился для ночлега на берегу рѣки, вслѣдствіе этого я долженъ былъ также остановиться на ночь. Я сталъ спускаться внизъ по теченію рѣки, высматривая мѣсто для ночлега среди густо растущихъ кустовъ лозы; вдругъ я увидѣлъ хижину, первую въ теченіи всего моего путешествія. Это былъ запорожскій хуторъ. Въ большомъ волненіи я вошелъ въ хату, гдѣ засталъ одного только человѣка, занятаго приготовленіемъ муки посредствомъ ручнаго жернова; онъ спросилъ меня: откуда я иду и зачѣмъ зашелъ въ домъ? Я отвѣтилъ, что служу въ томъ полку, который остановился не вдалекѣ отсюда на ночлегъ на берегу рѣки и просилъ его, чтобы онъ меня накормилъ. Онъ вынесъ гречневой каши съ кислымъ молокомъ и сметаню и пригласилъ меня поѣсть; такъ какъ я питался только сухарями съ водою и давно не встрѣчалъ столь роскошнаго блюда, то съ жадностью накинулся на пищу, предложенную мнѣ благодѣтельнымъ хозяиномъ. Замѣтивъ, что я быстро онорожилъ всю миску, онъ вновь прибавилъ мнѣ каши и молока, сказавъ ласково: „кушай, прошу тебя, я вижу, что ты очень голоденъ“. Наѣвшись до сыта, я возвратилъ ему остатокъ пищи и благодарилъ его искренно отъ всего сердца. Затѣмъ сталъ я его спрашивать: давно-ли онъ живетъ въ этой мѣстности и чѣмъ

1) Вѣроятно Хоецкій, переправившись черезъ верховья Волчьей рѣки въ бахмутскомъ уѣздѣ, прошелъ степью вдоль сѣвернаго берега этой рѣки и вторично на нее наткнулся въ нынѣшнемъ александровскомъ или павлоградскомъ уѣздѣ, тамъ, гдѣ Волчья, повернувъ у села Покровскаго къ сѣверу, течетъ въ этомъ направленіи до Павлограда. Очевидно, что эта важная часть рѣки пересѣкала путь, по которому Хоецкій направлялся къ западу.

снискиваетъ себѣ пропитаніе? Онъ отвѣтилъ, что живетъ не одинъ въ домѣ, что кромѣ него есть еще пять братьевъ и отецъ, но что въ настоящее время всѣ они уѣхали въ лѣсъ за хворостомъ; всѣ они были родомъ изъ окрестностей Чигирина и выселились сюда изъ польскихъ предѣловъ. Мы долго бесѣдовали; наконецъ, убѣдившись въ добродушіи своего хозяина и замѣтивъ дружелюбное его отношеніе ко мнѣ, я разсказалъ ему откровенно свое положеніе. Выслушавъ меня, онъ предложилъ мнѣ дожидаться возврата его отца, который могъ мнѣ дать подробныя указанія о предстоящемъ пути къ польской границѣ.

Вскорѣ старикъ пріѣхалъ, и сынъ передалъ ему содержаніе нашей бесѣды. Старикъ нѣсколько смутился, боясь навлечь на себя бѣду, ибо, по дѣйствующимъ тамъ распоряженіямъ, онъ обязанъ былъ задержать меня. Между тѣмъ братья изготовили ужинъ и пригласили меня раздѣлить съ ними трапезу; послѣ ужина я обратился къ старику съ просьбою позволить мнѣ переночевать въ его домѣ, но онъ отвѣтилъ мнѣ слѣдующее: „если-бы узнали, что ты гостилъ и почевалъ у меня, то я подлежалъ-бы равной съ тобою отвѣтственности, ибо я обязанъ отправить тебя тотчасъ къ ближайшей военной командѣ; но я не хочу обижать тебя; ступай съ Богомъ, куда судьба тебя направитъ, почлега-же не могу тебѣ предложить ни въ какомъ случаѣ“. Затѣмъ онъ подробно разсказалъ мнѣ направленіе пути, при чемъ предупредилъ меня, что у переправы чрезъ Днѣпръ, чрезъ который мнѣ необходимо переправиться, расположена лагеремъ вся дивизія князя Прозоровскаго и будетъ стоять тамъ еще цѣлый мѣсяцъ и что въ другомъ мѣстѣ я не найду не только перевоза, но и малѣйшей лодки, а потому предостерегалъ, что у перевоза мнѣ угрожаетъ большая опасность, по причинѣ расположенныхъ тамъ войскъ.

Долго я раздумывалъ о предстоящей опасности, но, наконецъ, рѣшился положиться на судьбу, или точнѣе на Провидѣніе и постановилъ храбро идти къ предполагаемой цѣли. Поблагодаривъ старика за оказанныя мнѣ благодѣянія, я оставилъ его домъ примѣрно въ одиннадцать часовъ ночи и отправился по направленію къ мѣстечку Московкѣ¹⁾,

¹⁾ Московка—прежнее названіе нынѣшняго уѣзднаго города Александровска (екатеринославской губ.).

лежащему на берегу Днѣпра; до мѣстечка этого я шель еще пять дней. Такъ какъ я приблизился къ нему днемъ, то укрылся въ траву и ожидалъ приближенія ночи, притомъ я обращалъ вниманіе на вечерніе сигналы, раздававшіеся по лагерю, стараясь по нимъ опредѣлить расположеніе войска. Съ наступленіемъ ночи я тронулся въ путь и вскорѣ достигъ Московки. Я храбро вошелъ въ лагерь и проходилъ мимо часовыхъ, но послѣдніе или не видѣли меня, благодаря темнотѣ ночи, или-же, видя на мнѣ солдатскіе киверъ и шинель, предполагали, что я принадлежу къ числу солдатъ собравшейся арміи. Такимъ образомъ я прошелъ благополучно сквозь лагерь и сталъ спускаться по другой его сторону въ долину съ цѣлью отыскать берегъ Днѣпра. Долго я не могъ найти рѣки, путаясь въ темнотѣ среди кустовъ, но, наконецъ, руководясь направленіемъ песчаныхъ розсыпей, достигъ берега и долго бродилъ вдоль него, высматривая мѣсто перевоза или стоянку лодокъ, пока наконецъ не замѣтилъ огонь, пылавшій на берегу рѣки. Приблизившись къ нему, я увидѣлъ стоящіе рядомъ два паромъ и болѣе десяти лодокъ; на берегу сидѣли крестьяне, сторожившіе переправу по принятому тамъ обычаю. Я прилегъ къ огню, рассчитывая на то, что когда сторожа уснутъ, мнѣ удастся захватить лодку и переправиться, хотя-бы съ помощью моей дорожной палки, такъ какъ весла сторожа уложили возлѣ себя. Долго лежалъ я, вѣроятно до двухъ часовъ ночи, но ожиданіе мое было напрасно; сильный морозный вѣтеръ не только мнѣ причинялъ страданія, но не позволялъ также уснуть и перевозчикамъ. Я наконецъ поднялся и, удалившись отъ того мѣста, сталъ быстро бѣгать для того, чтобы согрѣться, поглядывая вмѣстѣ съ тѣмъ на берегъ, въ надеждѣ открыть какую-либо лодку, хотя-бы негодную. Я готовъ былъ съ крайнею даже опасностью переправиться, на чемъ пошло, лишь-бы не дожидаться въ томъ мѣстѣ дневнаго свѣта, ибо я полагалъ, что въ такомъ случаѣ меня непременно задержать. Между тѣмъ, бѣгая, я истощилъ окончателью свои силы, упалъ въ кустахъ совершенно инстинктивно и немедленно уснулъ. Проснулся я только въ семь часовъ утра, вслѣдствіе того, что два солдата, пришедшіе къ берегу изъ лагеря, стали возлѣ меня рубить деревья на дрова; они разбудили меня и стали спрашивать, зачѣмъ я сплю въ этомъ мѣстѣ. Я отвѣтилъ, что посланъ былъ ночью къ мѣсту пастбища лошадей своего полка и

сбившись въ темнотѣ, долженъ былъ почевать въ этомъ мѣстѣ. Затѣмъ они спросили, въ какомъ полку служу. „Въ гусарскомъ сумскомъ, отвѣтилъ я; полкъ этотъ недавно соединился съ дивизією“. „Гдѣ-же расположенъ твой полкъ?“ — „На лѣвомъ флангѣ“, отвѣтилъ я самоувѣренно, хотя не имѣлъ объ этомъ предметѣ никакихъ свѣдѣній и отвѣчалъ на угадъ; но, къ счастью, оказалось, что я угадалъ. Тогда спрашивавшіе меня солдаты сказали; „подымайся-ка скорѣе и ступай, потому что скоро уже пробѣтъ восемь часовъ, и ты будешь наказанъ, если не явишься ко времени подачи рапорта“. Я поблагодарилъ ихъ за то, что они разбудили меня во время, надѣлъ шинель, прихватилъ мѣшокъ съ сухарями и отправился по тропинкѣ вдоль рѣки, мимо лагеря, занимавшаго обширное пространство на взгорьи. На встрѣчу мнѣ попадались солдаты изъ полковъ пѣхотныхъ и карабинерскихъ, но никто изъ нихъ не остановилъ меня; видя на мнѣ форменную военную одежду, они меня считали товарищемъ; конечно, среди столь численнаго войска, всѣ не могутъ быть лично извѣстны другъ другу. Только тогда, когда приходилось мнѣ проходить за черту лагеря, карабинеры спросили меня, куда и зачѣмъ иду. Я отвѣтилъ, что иду къ своимъ лошадямъ, которыя пасутся въ полѣ въ той сторонѣ; меня пропустили, и такимъ образомъ я благополучно выбрался изъ лагеря, принося Господу хвалу за избавленіе меня отъ грозившей опасности.

Тѣмъ не менѣе я не зналъ, что предпринять дальше, ибо я имѣлъ точныя свѣдѣнія о томъ, что нигдѣ болѣе не найду перевоза. Въ раздумьи пошелъ я по берегу Днѣпра. Удалившись отъ лагеря болѣе, чѣмъ на полъ-мили, я увидѣлъ на рѣкѣ много плотовъ и при нихъ нѣсколько лодокъ. Я подошелъ къ бывшимъ у плотовъ крестьянамъ и попросилъ у нихъ позволенія согрѣться у огня. На вопросъ: откуда иду? я повторилъ обычное объясненіе, что иду отъ лошадей, находящихся на пастбищѣ; мнѣ повѣрили безъ труда, такъ какъ солдатскія лошади дѣйствительно паслись вблизи того мѣста; крестьяне пустили меня къ огню и пригласили отвѣдать рыбы, которую они сварили въ казанкѣ. Поѣвши рыбы, я просилъ ихъ перевезти меня на другой берегъ подъ предлогомъ, будто мнѣ нужно отправиться въ запорожскій хуторъ раздобыть нѣсколько головокъ капусты, въ которой чувствуется полный недостатокъ въ лагерѣ. Они долго отказывали мнѣ,

утверждая, что занятія ихъ не дозволяютъ имъ отлучаться; наконецъ, одинъ изъ нихъ согласился удовлетворить мою просьбу; тотчасъ-же я усѣлся съ нимъ въ лодку, и оныъ высадили меня на противоположный берегъ Днѣпра.

Я безмѣрно обрадовался, совершивъ переправу, отъ которой главнымъ образомъ зависѣлъ успѣхъ моего спасенія; но отъ того мѣста Днѣпра до границы польской нужно было пройти еще 20 миль. Я пустился въ путь и прошелъ еще семь дней степью. Вообще-же со времени моего бѣгства отъ Калміуса истекло уже три недѣли. Вслѣдствіе постоянной ходьбы ноги мои сильно набрякли, и я почувствовалъ страшную боль, причиняемую сапогами, которыхъ я ни разу не снималъ въ дорогѣ; однако ни снять сапогъ, ни продолжать идти было не возможно. Я сильно приунылъ, не находя исхода изъ своего положенія, и съ крайнимъ трудомъ продолжалъ тащиться впередъ; вдругъ ночью я замѣтилъ въ степи огонь и направился къ нему. Оказалось, что тамъ устроенъ былъ шалашъ, въ которомъ жилъ старикъ, оберегавшій арбузы на разведенной вблизи балшѣ. Я рассказалъ старику совершенно откровенно мое горестное положеніе, показалъ ему распухшія ноги, сдавленные сапогами, и сознался ему, что дальше идти я не въ состояніи. Старикъ отнесся ко мнѣ съ большимъ сочувствіемъ: оныъ посоветовалъ мнѣ распороть сапоги и замѣтивъ, что голенища были довольно мягки, предложилъ мнѣ сдѣлать изъ нихъ лапти, за что я подарилъ ему головки отъ сапогъ вмѣстѣ со шпорами. Когда лапти были готовы, явилась новая трудность: ни у меня, ни у старика не оказалось портянокъ для того, чтобы предварительно завернуть въ нихъ ноги. Я помогъ этому горю, отрѣзавъ лѣвую полу отъ своей жилетки и, раздѣливъ ее на двѣ части, я завернулъ въ нихъ ноги.

Къ счастью оттуда было уже довольно близко къ польской границѣ; слѣдуя указаніямъ старика, я направился къ Крылову, городу, лежащему на берегу рѣки Тясьмина. Отыскавши удобное мѣсто, я переправился въ бродъ черезъ эту рѣку и такимъ образомъ въ исходѣ 1776 года достигъ благополучно границъ своего отечества. Здѣсь, возрадовавшись достиженію своей цѣли, я вскорѣ забылъ грусть и уныніе, угнетавшія меня въ продолженіи восьми лѣтъ.